

Ivašina, Natal'ja; Rudenko, Jelena

Метонимия : аспекты исследования

Linguistica Brunensia. 2011, vol. 59, iss. 1-2, pp. [17]-24

ISBN 978-80-210-5507-0

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/115186>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

НАТАЛЬЯ ИВАШИНА – ЕЛЕНА РУДЕНКО

МЕТОНИМИЯ: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современных исследованиях метонимия трактуется не только как семантический переход, но и как когнитивная стратегия. О ней как о ментальном механизме, не менее важном, чем метафора, немало написано (см., например, Croft, 1993; Dirven, 2002; Feysaerts, 1999; Langacker, 1993; Peirsman, Geeraerts, 2006; Radden, Kövecses, 1999 и мн. др.). Делаются попытки разработать общую типологию метонимических переносов (Падучева, 2003; Peirsman, Geeraerts, 2006 и др.). В первую очередь рассматриваются модели метонимии существительных, однако признаковым словам – преимущественно глаголам и прилагательным – также уделяется внимание. В основополагающих работах о метонимии в развитии новых значений прилагательных называются такие метонимические модели, как признаки ‘части’ – ‘целого’; признак (какой-л. сущности) – время, когда реализуется этот признак; признак (какой-л. сущности) – место, где реализуется этот признак; причинно-следственные отношения; состояние – каузатор состояния; состояние – результат состояния (отмечается, что те же виды метонимии присущи и другим частям речи – Н.И., Е.Р.), а также некоторые более сложные и специфические для прилагательных транскатегориальные сдвиги (Рахилина, Карпова, Резникова, 2009). Для метонимического развития семантики глагола, насколько нам известно, полной типологии не существует, кроме тех сдвигов, которые характерны для разных частей речи, а также общеизвестных, типичных преимущественно для глагольной лексики: ‘процесс’ – ‘результат’; диатетический сдвиг; соотношение в видовых парах (Падучева, 1996), например, ‘событие’ – ‘состояние’ и др.

Нами рассмотрены наиболее частотные белорусские и чешские признаковые слова: по 150 прилагательных и столько же глаголов в каждом из языков.

Среди прилагательных обнаружены следующие виды метонимических переносов:

1) ‘Часть’ – ‘целое’, напр. ‘человек’ – ‘часть тела’: бел. *тоўсты* (*чалавек* – *рукі*), *добры* (*чалавек* – *сэрца*); чеш. *hloupý* (*kluk* – *oči*), *měkký* (*člověk* – *srdce*).

2) Часто соединяются признак предмета и время или место его реализации: бел. *сухі/мокры* (*ліст – год, месца*), *цёплы/халодны* (*надвор’е – дзень, краіна*); чеш. *hluboký* (*skříň – noc, les*), *teplý* (*počasí – jaro, země*).

3) Базовый признак может характеризовать свойство и результат его реализации (бел. *далікатны* (*чалавек – справа*); чеш. *jemný* (*člověk – pozorování*)).

4) Состояние и каузатор состояния (бел. *вясёлы* (*чалавек – спектакль, надзея*), чеш. *smutný* (*dívka – píseň, událost*)).

5) Метонимия участвует в формировании синестезийного лексического значения при наслоении нескольких перцептивных значений, например, вкусового и обонятельного: бел. *салодкі* (*смак – пах, духі*); чеш. *jemný* (*chut – čich, voňavky, sluch*).

Глагольная метонимия как механизм регулярной многозначности на материале рассмотренных белорусских и чешских лексем наиболее часто проявляется в семантике вида и способа глагольного действия (см. Зализняк, Шмелев, 1997; Падучева, 1996). При чистой семантической деривации, т.е. развитии нового значения без формальных изменений, аспектуальные изменения могут иметь место либо в двувидовых глаголах (см. бел. *даследаваць* ‘исследовать’ как процесс и как результат), либо в лексемах, выражающих разные способы глагольного действия.

По способу действия глаголы традиционно подразделяются на обозначения: 1) постоянных свойств; 2) устойчивых и временных состояний; 3) процессов (инактивные процессы и действия) и 4) событий. В классификации Е.В.Падучевой выделяются также деятельности, которые делятся на собственно деятельности (непредельные процессы с сознательным одушевленным субъектом), действия (предельные процессы с сознательным одушевленным субъектом), занятия и поведения (Падучева, 1996, 129). В белорусском примере *Іваноў піша* (= *Іваноў пісьменнік*) (неперех.) – *Іваноў піша ліст* и в чешском *Novák maluje* (= *Novák je malíř*) – *Novák maluje obraz* отличие в глагольном управлении коррелирует с отличием в способе глагольного действия: первый пример передает категориальную семантику занятия, а второй – действия. Метонимическая связь здесь – во временной характеристике. Аналогичным образом бел. *разбірацца* обозначает процесс и результативное состояние. Примеры такого рода регулярны и в белорусском, и в чешском языках.

Очевидно, что семантические отличия обусловлены сочетаемостью и реализуются в ней. Это приводит нас к глагольной метонимии, обусловленной диатетическим сдвигом или „фокусированием“ разных участников одной и той же ситуации (Падучева, 2004; Кустова, 2004, 2005): бел. *вучыць студэнтаў* – *вучыць замежную мову*; чеш. *zakládala si na úspěchu dětí* – *zakládala si na dětech*.

Глаголы-соответствия могут относиться к разным моделям метонимических производных значений – немало таких примеров приведено в (Руденко, Ивашина, Яумен, 2004). Например, рус. *болеть* имеет омонимичные формы с семантикой ‘быть больным’ (*я болею*) и ‘болеть (об органе, части

тела)' (*у меня болит голова*). В белорусском языке им соответствуют бел. *хварэць* (*я хварэю*), *балець* (*каму баліць што – мне баліць галава*); в чешском – *být nemocný* (*jsem nemocný*), *bolet* (*bolí koho co – bolí mě hlava*).

Диететическая мена и мена фокуса характерны не только для глаголов, но и для других признаков слов, например прилагательных, см. бел. *сумны* (*дзяўчына – песня*); бел. *свежы* (*пах – духі*); чеш. *jetný* (*čich – voňavku*). Этим обусловлено большинство из названных выше метонимических переносов, характерных для прилагательных: признак предмета и время или место его реализации; свойство и результат его реализации; состояние и каузатив состояния.

Обычно метафору и метониимию рассматривают в противопоставлении: различия между ними сводятся к тому, что метафорический перенос описывается как семантический переход на базе сходства между разнородными явлениями, а метонимия трактуется как семантическая трансформация на основе смежности явлений. Однако в когнитивной лингвистике метафору и метониимию объединяет общее понятие концептуального домена: метафора предполагает проецирование из одной концептуальной области в другую, метонимия – трансформации в рамках одной концептуальной области. Неопределенность границ между отдельными концептуальными областями приводит к взаимодействию метафоры и метонимии. Исследования последних лет все чаще обращают внимание на связь механизмов метафоризации и метонимизации (Barcelona, 2000, Goossens, 1990 и др.).

В некоторых случаях трудно определить, как может быть квалифицирован тот или иной случай семантической деривации: метонимия или метафора. Например, синкретичными являются семантические переносы между концептосферами «восприятие» и «интеллектуальная деятельность». Примеров такого рода в современных индоевропейских (а возможно и не только индоевропейских) языках более чем достаточно, например бел. *пункт гледжання*, чеш. *hledisko* 'точка зрения', бел. *пачуццё мовы*, чеш. *cit pro jazyk* 'чувство языка', бел. *увесці ў вушы* 'убедить', *бачыць наскрозь* 'видеть насквозь' и мн.др.

Семантика восприятия органами чувств является наиболее распространенной мотивацией вторичных обозначений когнитивных понятий. Многочисленность случаев пополнения «интеллектуальной» лексики обозначениями перцептивного восприятия свидетельствует о близости данных концептуальных сфер. Следствием этого является постоянный, от древнейших времен до наших дней, переход слов с семантикой чувственного восприятия в круг интеллектуальных обозначений и номинация центральных понятий интеллектуальной сферы обозначениями чувственных восприятий (см. бел., укр. *розум* < ст.-бел., ст.-укр. *розумь* < *умь* < праслав. **ить* < и.-е. **ou-mos* > хеттск. *ai-*, *aiš-* 'видеть' (Трубачев, 1959, 154-157). Описанные случаи – это и метафора, поскольку имеет место перенос свойств перцептивного процесса или состояния на рациональный, и метонимия, поскольку восприятие и мышление связаны отношениями следования.

Показательно и наличие слов с древним единым перцептивно-рациональным значением, например бел. *vedaць*, чеш. *vědět* < праслав. **vědati* ‘знать’, связанное чередованием гласных с **viděti* ‘видеть’ (Фасмер, 1986, I). Совмещение значений ‘чувствовать’ и ‘понимать’ имело место на древнейших этапах развития языка, об этом свидетельствует то, что их сочетание отмечается самыми ранними словарями славянских языков, см., например, праслав. **čuti*:

Чүти, чюю — понимать: *кгда оүзрнть дшю, начьнъшю чюти свога грѣхы* (Сбор. 1076 г.) (Срезневский, 1903, III).

Чүство: смыслъ.

Чүственнш, ѳ: Речевисте, цо през смыслъ можетъ быти понмвано. Смыслне, оүчүте (Берында, 1627, 204-205).

Упомянутый древний синкретизм реализуется в аналогичных постоянных употреблениях в современных языках, см., например, бел. *ты мяне не чуеш*, чеш. *neslyšíš mě* ‘ты меня не слышишь (= не понимаешь)’; бел. *я бачу задуму рамана інакш*, чеш. *vidím záměr románu jinak* ‘я вижу (= понимаю, трактую) замысел романа иначе’ и мн. др.

Представляется, что при диахроническом анализе номинаций и реконструкции древнейшей семантической структуры возможность взаимодействия механизмов метафоры и метонимии следует обязательно учитывать. Нельзя забывать о первоначальном синкретизме понятийных сфер: семантические переносы вообще не осознавались еще как процессы, порождающие отдельные сущности. Об этом свидетельствуют исследования в области семантики древних языков. Современная полисемантическая структура слова сохраняет следы первоначального синкретизма. Недискретный характер многозначности в языке отмечает А.А.Зализняк (Зализняк, 2001, 2004). Способность человеческого сознания к целостному восприятию предмета отражается как в структуре полисемантов, так и в строении словообразовательных гнезд.

Наименование реалий с опорой на ситуативную смежность более очевидно, поскольку отражает объективные связи предметов и явлений. Именно метонимический механизм предопределял направление семантических трансформаций. По-видимому, в древнейших номинациях метонимия сопутствовала метафоре и определяла пути развития метафорической модели как способа структурирования понятийной сферы. Очевидно, что когнитивный механизм метафоризации и метонимизации действовал в древнейший период в тесном взаимодействии.

Взаимодействие когнитивных механизмов метафоры и метонимии происходило, например, на начальном этапе формирования темпоральной семантики. Размытость границ между концептуальными областями приводила к взаимопроникновению метафоры и метонимии. Свойственный древнему сознанию синкретизм вел к тому, что метафорический перенос невозможен был без метонимического сдвига, акцентирующего определенный фрагмент понятийного пространства. По сути дела, метонимия готовила про-

цесс метафоризации. По-видимому, для древнейшего этапа формирования временных представлений следует говорить о едином механизме взаимодействия метафорической и метонимической составляющей.

Обозначения времени изначально связаны с номинациями погоды. В древности сопоставление времени и погоды было более очевидным, восприятие времени базировалось на наблюдениях над природными явлениями. Связь представлений о времени и о погоде может реализовываться в языке различными способами. Наиболее очевидный и в то же время наиболее древний этап – кодирование погодных и временных понятий одной и той же лексической единицей (ср. греч. *καιρός*, лат. *tempus*, ит., порт. *tempo*, исп. *tiempo*, венг. *idő*, алб. *kohë* и т.д.). Частным вариантом этой древнейшей модели можно считать обозначение погодных и темпоральных величин с помощью родственных слов (русск. *погода* – *год*, чеш. *počasí* – *čas* и т.п.).

Лексема *verme*, распространенная на юге и востоке славянской территории, образует широкое семантическое поле: ‘время’ – ‘промежуток времени’ – ‘время года’ – ‘срок’ – ‘исторический период, эпоха’ – ‘год’ – ‘момент’ – ‘возраст’ – ‘удобное время’ – ‘свободное время’ – ‘счастье’ – ‘обстоятельства’ – ‘хорошая погода’ – ‘погода’ – ‘плохая погода’ – ‘гром’ – ‘буря, водоворот’ – ‘кутерьма, суматоха’ (по данным древнейших письменных памятников и современных славянских языков).

Существует точка зрения, что семантическая трансформация слав. *verme* проходила в направлении ‘время’ → ‘погода’ (Кочерган, 1966, 58). Однако для древнего мышления понятия времени и погоды не были расчленены. Время еще не отделялось от природного явления, которое протекает во времени. Время для древнего славянина – это и состояние, и период. Кодирование погодных и временных понятий одним и тем же элементом (метонимический перенос ‘состояние погоды’ – ‘время, в течение которого имеет место названное состояние погоды’) – знак древней ступени сознания.

В древнейших славянских текстах отсутствуют примеры со значением ‘погода’. Однако эти лакуны можно объяснить тем, что в древнеславянской письменности доминирующее влияние имел церковнославянизм *врѣмѧ* в темпоральном значении. Вероятно, временная сема сформировалась первоначально в ареале болгарско-македонских диалектов, а отсюда через церковную письменность была заимствована восточными славянами. А.С.Львов считает, что собственно др.-русск. *веремя* так и не получило темпорального значения (Львов, 1968, 24).

Украинский язык сохранил древнейшую единицу значения – ‘буря, водоворот’. Перенос названия с природного явления на человеческие отношения (‘кутерьма, суматоха’) относится к более позднему времени. Отсюда и два значения фразеологизма *крутити веремію*: ‘кричать, голосить, поднимать суматоху’ и ‘закрутить вихрем’. В староукраинском основным было значение ‘буря, ненастье’. По данным Н.И.Толстого, хорв. *vreme* также известно не только в значении ‘погода’, но и ‘ненастье, буря, буря с дождем’ (Толстой, 1962, 144).

Семема 'буря, водоворот' как нельзя лучше подчеркивает связь с глаголом *vŕtěti*, так как идея вращения, оборота в этом значении наиболее очевидна. Лексема *verme* первоначально означала природное явление или состояние, где явно вычленяется момент вращения (метонимическая компонента). В основе образа времени лежит циклическое движение, наиболее полно отражающее все природные ритмы и циклы, и в то же время вращение – один из аспектов значения 'соединение' (метафорическая компонента). Этот сложный образ, связанный с вращательным движением, не противоречит общепринятому сопоставлению с др.-инд. *vártma* 'колея, рывина, дорога, желоб, след от вращающегося колеса' (Фасмер, 1986, I; Преображенский, 1910, 1).

Метонимический перенос играет важную роль в процессе концептуализации времени. Формирование временных значений базируется на ассоциации явлений, тесно связанных между собой. В сущности, смежность явлений выступала главной опорой обозначений времени. Темпоральные номинации образуют метонимические цепочки, в которых каждое новое обозначающее сохраняет следы предыдущего. Формирование временных концептов связано также с принципом *pars pro toto*, который заключается в том, что целое характеризуется через его часть ('день' > 'сутки', 'лето' > 'год' и т.п.). Это одна из базовых мыслительных операций, которая используется и в процессе номинации.

Отношения смежности прокладывали путь метафоре. После концептуализации понятия времени в категориях пространства сознание начинает соотносить две сущности на основе сравнения, т.е. манипулировать образом циклического движения, пути и т.п. как метафорической моделью. Многогранный образ времени создается различными концептуальными проецированиями, в которых время осмысливается как циклическое движение (круг), путь, граница. Основой является пространственная динамика – изменение, перемещение в пространстве, круговое движение.

Рассмотренные аспекты метонимии как когнитивного механизма демонстрируют и важность этого явления, и его аспекты, которые подлежат всестороннему изучению в будущем.

ИСТОЧНИКИ

- Берында, П.: *Лексикон славенороссийский и имен толкование*. Киев, 1627.
Преображенский, А.: *Этимологический словарь русского языка*, т. 1-2. Москва, 1910-1914.
Срезневский, И.И.: *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I-III. СПб., 1893-1903.
Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. I-IV. Москва, 1986-1987.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк, Анна А., Шмелев, А.Д.: *Лекции по русской аспектологии*. Мюнхен, 1997.
- Зализняк, Анна А.: *Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов»*. Вопросы языкознания 2001, 2, с. 13–25.
- Зализняк, Анна А.: *Феномен многозначности и способы его описания*. Вопросы языкознания 2004, 2, с. 20–45.
- Кочерган, М. П.: *Лексика часових понять в українській мові*. In: *Лексикологія та лексикографія*. Київ, 1966, с. 53–63.
- Кустова, Г. И.: *О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы*. Вопросы языкознания 2005, 3, с. 53–79.
- Кустова, Г. И.: *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва, 2004.
- Львов, А. С.: *Выражение понятия времени в „Повести временных лет“*. In: *Русская историческая лексикология*. Москва, 1968. с. 20–39.
- Падучева, Е. В.: *Динамические модели в семантике лексики*. Москва, 2004.
- Падучева, Е. В.: *К когнитивной теории метонимии*. In: *Диалог-2003* // <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm>.
- Падучева, Е. В.: *Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива*. Москва, 1996.
- Рахилина, Е. В., Карпова, О.С., Резникова, Т. И.: *М одели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие*. In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»* (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.), 8 (15). Москва, 2009 // <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/26.htm>.
- Руденко, Е. Н., Ивашина, Н. В., Яумен, Н. В.: *Семантико-синтаксическое сопоставление славянских глаголов (на материале белорусского, польского, русского и чешского языков)*. Минск, 2004.
- Толстой, Н. И.: *Из географии славянских слов. 1. «дождь», 2. «саламандра»*. In: *Вопросы славянского языкознания* 6, 1962, с.140–155.
- Трубачев, О. Н.: *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. Москва, 1959.
- Barcelona, A.: *Types of arguments for metonymic motivation of conceptual metaphor*. In: *Metaphor and Metonymy at the Crossroads*. Berlin-N.Y., 2000, p. 31–58.
- Croft, W.: *The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies*. *Cognitive Linguistics* 2003, 4, p. 35–70.
- Dirven, R.: *Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualization*. In: *Metaphor and Metonymy in comparison and contrast*. Berlin – N.Y., 2002, p. 75–111.
- Feyaerts, K.: *Metonymic Hierarchies: The Conceptualization of Stupidity in German Idiomatic Expressions*. In: *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam & Philadelphia, 1999.
- Goossens, L.: *Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action*. *Cognitive Linguistics* 1990, 1/3, p. 323–340.
- Langacker, R.: *Reference-point constructions*. *Cognitive Linguistics* 1993, 4/1, p. 1–38.
- Peirsman, Y., Geeraerts, D.: *Metonymy as a Prototypical category*. *Cognitive Linguistics* 2006, 17 (3), p. 269–316.
- Radden, G., Kövecses, Z.: *Towards a Theory of Metonymy*. In: *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam & Philadelphia, 1999, p. 17–59.

МЕТОНІМІЕ: АСПЕКТЫ ЗКОУМАНІ

Пříspěvek je věnován různým aspektům metonymie v synchronii a v diachronii z pohledu kognitivního přístupu k jazyku. Typy metonymie se v synchronii zkoumají na materiálu sloves a adjektiv v češtině a běloruštině. Metonymie v diachronii je ilustrována sémantickými přenosy 'vnímání' – 'intelektuální činnost', 'počasí' – 'čas'. Akcentují se případy synkretizmu metafoty a metonymie, a to jak na starších etapách jazykového vývoje, tak i v současných jazycích.

Natalia Ivašina

e-mail: natasha.ivashina@gmail.com

Jelena Rudenko

e-mail: alena@rudenka.net

Katedra teoretické a slovanské jazykovědy

Filologická fakulta BSU

Minsk